

Возвращение смутьяна

Александр Зиновьев отвечает на вопросы жены

Век. Москва. — 1999. — 25 окт. — с. 5

Недавно в Россию вернулся известный философ, писатель Александр Зиновьев. В издательстве «Евразия» при участии газетно-журнального объединения «Воскресенье» началось издание собрания сочинений Александра Александровича в 10 томах. Уже вышел первый том, содержащий знаменитый роман «Зияющие высоты». Впереди издание других нашумевших произведений — «Светлое будущее», «Нашей юности полет», «Катастрофка», «Иди на Голгофу» и других. По просьбе редакции «Вечерки» интервью у писателя взяла его жена Ольга Зиновьева, вернувшаяся в Россию вместе с мужем.

Ольга: Саша, о тебе на Западе в течение почти двух десятилетий писали очень много. И все затруднялись, к какой категории сочинителей тебя отнести: логики, философа, социолога, политолога, публициста, писателя?.. Если писатель, то приверженец какого жанра — прозаик, поэт, сатирик, социальный романист?.. Относили ко всем категориям и всевозможным комбинациям. К какой категории ты относишь себя сам?

Александр: Ты знаешь, что логика и логическая методология науки были моей профессией почти тридцать лет. Одновременно я занимался социологическими исследованиями — для личных потребностей, причем не придавая это особенной огласке. Их результаты я и стал со временем излагать в литературной форме — в стихах, поэмах, рассказах, повестях, романах. Одним словом, обозначились основные сферы творчества — логика, социология и литература, которые дополняют друг друга, образуя особую форму сочинительства.

Поскольку, как я понимаю, основным поводом для этой беседы послужил выход в свет первого тома собрания моих литературных сочинений, то я хотел бы фигурировать в ней в качестве писателя.

Ольга: Тебе было 54 года, когда в 1976 году вышли «Зияющие высоты». Первое твоё литературное произведение появилось не в собственной стране, а на Западе. Книга сразу же была переведена на множество языков. Однако в России ее запретили, изымали, читателей арестовывали, а тебя лишили самого дорогого — Родины. Заодно отняли военные награды, звания, даже крышу над головой. 6 августа 1978 года останешься черным днем твоей жизни. Но времена изменились, в 1990 году тебя восстановили в гражданстве, начали публиковать твои книги и в России. Но это уже история. А вопрос такой: не поздно ли ты решил стать писателем?

Александр: Никакого такого уж страстного желания стать писателем у меня не было. Я, правда, сделал попытку напечатать повесть, написанную еще в 1946 году, когда служил в армии. Но потом, после войны, окончил университет, защитил докторскую диссертацию, работал в Институте философии Академии наук СССР, заведовал кафедрой в МГУ. Я занимался любимым делом, у меня было много студентов и аспирантов. Такое положение меня вполне устраивало, но обстоятельства помимо моей воли сложились так, что я должен был обратиться к литературе.

Ольга: Получается так, что надо поблагодарить среду, обстоятельства, общество, которые «вынудили» тебя стать и литератором. Если бы только всем непосредственным участникам твоей трагедии было известно заранее, что тем самым они выдвигают тебя в «великомишеники при жизни», то, уверенно, они сделали бы все возможное, чтобы удержать тебя в России.

Александр: Ты, конечно, права. Теперь, оглядываясь назад, на прошитое, я могу констатировать, что по

меньшей мере три обстоятельства предопределили мою судьбу. Во-первых, превратности личной жизни. Во-вторых, социальный строй нашей страны, советский (или русский) коммунизм. В-третьих, «холодная война» Запада против Советского Союза и русского коммунизма. Все эти линии слились воедино и переплелись так, что трудно сказать, какая из них сыграла решающую роль в моем приобщении к литературе.

Ольга: Что тебя сопровождает всю жизнь, так это крайне выраженное к тебе отношение: если любовь — то восхищенная, если ненависть — то звериная. В самом начале своей профессиональной жизни ты был буквально вытолкнут на роль коммуниста-идеалиста, коммуниста-романтика. Потом это стало твоим добровольным и сознательным выбором. По-моему, именно он и побудил тебя стать писателем.

Александр: Да, это, пожалуй, так. Я действительно сформировался в сознательную личность в тридцатые годы как романтический или идеалистический коммунист. Что это такое — ты прекрасно понимаешь. Таким настоящим человеком был твой отец, добровольно работавший на севере Сибири, а потом — на целине. Будучи главным инженером крупного предприятия, он жил с большой семьей в одной комнате, отказавшись от отдельной квартиры. За честную работу на целине, за неподкупность был исключен из партии. В моем поколении

Из биографии

Александр Зиновьев родился в глубине России, в Берендеевом царстве, в деревне Пахтино. В 16 лет поступил в самый элитарный вуз страны — в ИФЛИ (Институт философии, литературы и искусства), который окончить не удалось: начались его гонения и странствия по стране вплоть до начала войны. Потом была Великая Отечественная — вначале кавалерист, в конце войны — летчик-штурмовик.

После победы опять учеба — уже в МГУ. Окончил с «красным» дипломом. Далее нашумевшая кандидатская диссертация с адекватным его жизненному кредо названием «Восхождение...». Затем появление многочисленных книг по математической логике, доказавших возможность немарксистского способа мышления, десятки студентов, аспирантов, создание зиновьевской логической школы.

было много романтических коммунистов. Вспомни, когда мы познакомились, я уже имел мировую известность, мог сделать успешную карьеру, но я от нее отказался. У меня не было своего жилья, все мое имущество я мог унести с собой за один раз. Самые тяжелые были гонимые.

Я сформировался как гражданин коммунистического общества. Я его принял, оно было моим по идеалам и по основным установкам. Но я с ранней юности замечал и ощущал все его дефекты и тенденции, вызывавшие у меня глубокий протест. Это тяжелые жизненные условия для рядовых людей, нарастание социального и материального неравенства, образование привилегированных слоев, насилие коллектива над индивидом и, конечно, репрессии. Но репрессии в последнюю очередь, хотя меня они как раз коснулись лично.

Александр Зиновьев с женой Ольгой и дочерьми Полиной (слева) и Ксенией

Ольга: Ты уже в 16 лет стал антисталинистом, а в 17 был арестован по доносу друзей и доставлен на Лубянку...

Александр: Сейчас я не хочу привлекать внимание читателей «Вечерки» к этому аспекту моей жизни. Тут важнее подчеркнуть следующее. Хотя я с ранней юности был критически настроен по отношению к коммунистическому строю, я никогда не был антикоммунистом и никогда не стремился к уничтожению этого строя и к замене его другим. Я принял коммунизм с его положительными (на мой

Ольга: Но ты стал заниматься литературным творчеством еще в юности.

Александр: Годы моей юности — а это тридцатые годы — были временем повального увлечения литературой. Не избежал этого и я: сочинял стихи, рисовал карикатуры для стенных газет, делал к ним подписи, обычно стихотворные, писал фельетоны. Так продолжалось и в военные годы. А после войны в Москве сложилась среда из образованных и талантливых людей, не хотевших или неспособных делать карьеру и добиваться материального благополучия. Интеллектуальный и творческий потенциал ее был очень высок. Тут сочинялись шутки, анекдоты, короткие новеллы для застольных бесед, песни. Эта среда была критически настроена к советскому образу жизни, к советской идеологии и власти.

Ольга: Осталось сказать о третьей линии твоей жизни — о вовлеченности в «холодную» войну.

Александр: Не будь Запада и «холодной» войны, я не только не стал бы писателем, но не смог бы пробиться даже в далекой от политики и идеологии логике. Мне было 36 лет, когда я напечатал первую статью в Советском Союзе. Это случилось лишь после того, как меня стали печатать за рубежом. Мою первую книгу по логике сразу перевели на английский и другие языки. А после того как директор Института философии АН СССР, возглавлявший какую-то советскую делегацию в США, увидел мою книгу на выставке в библиотеке Конгресса США, для меня открылась хорошая возможность работать в логике. И я за несколько лет опубликовал шесть книг и десятки статей, переведенных на многие языки. Без этого фактора по имени «Запад» меня в Советском Союзе просто раздавили бы в самом начале моего пути в науку. Причем сделали бы это мои коллеги и друзья из близкого окружения, используя для этого, конечно, систему власти.

В начале семидесятых годов у меня назрел конфликт с моей профессиональной средой. Я стал терять возможность работать как раньше: поте-

рял студентов и аспирантов, а также возможность публиковаться. Я оказался в полной изоляции. И незаметно втянулся в написание «Зияющих высот». Писал я их в общей сложности, как ты знаешь, не более полугода. Это кажется невероятным, поскольку в книге около 800 страниц. Но ничего невероятного нет, если учесть, что у меня был более чем пятидесятилетний опыт чрезвычайно разнообразной и насыщенной событиями и наблюдениями жизни, десятки лет занятий по изучению общества, опыт литературной работы в интеллигентском фольклоре и профессиональной работы в сфере логики, методологии наук, философии. В моей памяти накопилось материала на десятки книг — причем обдуманного, обобщенного, проанализированного и систематизированного. Нужен был толчок к изложению его на бумаге, стимул и свободное время. И все это появилось в 1974-1975 годах.

На написание книги, возможно, ушло бы больше времени, если бы одно обстоятельство не подстегнуло меня поспешить. Я прочитал несколько отрывков человеку, который тогда был моим самым близким другом...

Ольга: ...Прости, перебиваю. Вспомни, тогда тебя просила никаких посторонним лицам ни слова не говорить о книге. Но ты показал отрывки не постороннему человеку, а именно близкому другу. И он — по небрежности ли, по какой другой причине, уже не суть важно — устроил так, что в КГБ узнали о готовящейся книге. Это и обусловило почти молниеносность написания «Зияющих высот». То было время расцвета «самиздата», диссидентства и эмигрантской волны. Так что мы оказались в поле пристального внимания «органов».

Александр: Надо было спешить, чтобы опередить возможные меры КГБ. Я писал порою по десять и более часов подряд. Писал, ничего не исправляя. Ты по ночам перепечатывала написанное на машинке на папирусной бумаге, на обеих сторонах через один интервал. Машинка стояла на кухне на двух подушках. На полу — одеяла,

под дверью — матрас. Все для звукоизоляции. Приходилось думать обо всех технических мелочах и прибегать к изощрениям, о которых ты сама можешь рассказать больше, чем я. Помнишь, ты организовала пересылку рукописей на Запад, причем так, что оказии направлялись по разным адресам. Наши друзья за границей собирали их в одном месте.

Потом появился человек, который, познакомившись с частью рукописи, предложил напечатать всю книгу. Это был Владимир Дмитриевич, серб по происхождению, ставший французским и швейцарским издателем... Когда была поставлена последняя точка, я предоставил тебе право решения судьбы этой рукописи: оставить ее в столе или печатать. Я знал, что тяжелее всего достанется тебе и нашей дочери Полине, которой тогда не было еще и пяти лет. Тебе, как потом выяснилось, угрожала высылка в Сибирь и, что самое страшное, лишение родительских прав с отправлением дочери — анонимно — в какой-нибудь детский дом. Ты спросила меня тогда, смогу ли я спокойно дальше жить, зная, что «Высоты» остаются лежать в письменном столе. Я ответил: нет. И ты тогда приняла решение, определившее мою судьбу как писателя: печатать!

Ольга: В российской прессе неоднократно сообщалось, как ты был наказан за публикацию «Зияющих высот» и следующей книги «Светлое будущее». В 1978 году мы были вынуждены вместе с Полиной покинуть Россию, чтобы почти 21 год прожить в эмиграции. Надо было зарабатывать на жизнь, чем ты и занялся, вначале в Университете Мюнхена, затем в других местах Европы и в других частях света. Ты продолжал писательскую деятельность. Опубликовал более 20 литературных произведений — от романов до пьес. Они переводились на многие языки. Многие становились бестселлерами. У тебя была колоссальная пресса, в основном, лестная.

Александр: ...И тем не менее я не получал того удовольствия, какое в таких случаях испытывают нормальные писатели. Я продолжал начатую жизнь писателя скорее вынужденно, по воле чуждых мне обстоятельств, чем по призванию, по доброй воле, для удовольствия. Лишь вернувшись наконец-то на Родину, в Россию, я вздохнул с облегчением, освободившись от кошмара писательской деятельности, преследовавшего меня четверть века. Однако благо было то, что за границей мне не надо было обсуждать свои сочинения в писательских организациях и добиваться их благосклонности. Я начисто выбросил из своего сознания таких стражей литературы, как Главлит, ЦК КПСС, КГБ и прочие организации, призванные держать русскую литературу на должном идейном и художественном уровне.

Ольга: Началась публикация твоих литературных произведений в десяти томах. Как ты сам оцениваешь это событие?

Александр: Как чрезвычайно важное, второе по значимости в моей литературной жизни. Первым было появление «Зияющих высот». По всей вероятности, на этом, на публикации 10-томника, я и завершу свою литературную деятельность.

Ольга: Почему? У тебя же сил на десять жизней, в голове идей и материала на десяток книг!

Александр: Это верно. Но есть очень важная для меня причина закончить литературный этап (первый этап жизни я считаю логическим) и перейти к этапу полностью социологическому. Собственно говоря, я уже перешел. Дело в том, что в мире и в России, согласно моим исследованиям, сложилось такое состояние, для описания которого средства литературы оказываются слишком слабыми. В сфере искусства адекватными средствами изображения могут стать лишь кино и телевидение, опирающиеся на все прочие средства познания изображения и вбирающие их в себя. Но мне уже поздно уходить в эту сферу. Да и не чувствую себя способным на это. В сфере же социологии, особенно в той ее части, которую разрабатываю я сам, еще имеются сильные изобразительные средства, адекватные характеру наступившей эпохи.